

В. Н. ВИНОГРАДОВ

«ЧУДОВИЩНАЯ КОАЛИЦИЯ» И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ

Некоторые проблемы пореформенного развития буржуазно-помещичьего строя в Румынии

В ночь с 9 на 10 февраля 1866 г. в спальню румынского князя Александра Иона Кузы ворвались заговорщики и заставили его подписать акт об отречении. Переворот произошел бескровно; в нем участвовали деятели консервативного, либерального и радикального направлений и офицеры армии. Был вовлечен в заговор и командир охранного батальона майор Лекка, награжденный за измену министерским портфелем.

Не успели члены немногочисленного тогда в Бухаресте консульского корпуса прийти в себя от изумления и решить, стоит ли заявлять протест, как низложенный князь был выслан из страны. К власти пришла группировка буржуазии и помещиков, которую современники нарекли «чудовищной коалицией», — настолько странным и противоестественным представлялось им объединение тех сил, которые еще совсем недавно, и даже в тех же лицах, выступали друг против друга во время революции 1848 г.

На самом деле переворот был лишь внешним проявлением вполне закономерного процесса — оформления в Румынии блока буржуазии и помещиков для сохранения и укрепления своего классового господства. Персонально участники сговора 1866 г. могли рассориться и даже посадить друг друга в тюрьму (случалось и такое). Но это ничего не меняло в принципе. Их преемники соблюдали верность союзу вплоть до 1944 г. Изменялось соотношение сил в его рамках. Вначале тон задавали полуфеодалы — помещики. Затем на авансцену вышла промышленная и финансовая буржуазия. Боярские отпрыски постепенно переходили на рельсы капиталистического хозяйствования. Острые блока на первых порах было направлено против крестьянства. Затем его характер изменился, и объектом главного удара стал рабочий класс. Но тесное сотрудничество крупной буржуазии с помещичьим землевладением сохранилось. И в этом не было ничего загадочного, из ряда вон выходящего. Союз капитала с потерпевшими поражение феодалами — не исключение, а скорее правило в истории. В. И. Ленин писал об этом процессе: «Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократичес-

кие учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве»¹.

История свидетельствует о глубоком «внимании», которое буржуа проявлял к своему «брату во собственности» — помещику. Пионером этого союза выступил британский промышленный и торговый капитал. Почти 200 лет после революции XVII в. он занимался экономикой, а земельная аристократия вершила политику. Вплоть до 1832 г., когда предприниматели и купцы выступили против «гнилых местечек», парламент, дипломатия, армия находились в руках титулованных и нетитулованных лэндлордов.

Но аристократия управляла в интересах буржуазии. Более того, она сблизилась и слилась с буржуазией в главном — в способе производства. Жертвой этого союза стали английские крестьяне. Гордые йомены, предки которых отважно сражались в полках «железнобоких» Оливера Кромвеля, исчезли с лица земли как класс, распавшись на предпринимателей — фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

Германия и Россия, как и Румыния, на протяжении XIX в. не знали победоносной буржуазной революции. Переход к капитализму совершался здесь «по договоренности» с земельной аристократией, путем постепенных, дозированных реформ «сверху». И мы наблюдаем не «бурю и натиск» со стороны капитала, а смирение и готовность к сделке.

Царизм, отменив крепостное право в феврале 1861 г., спустил революцию на тормозах. Социально-экономический строй России постепенно приспособивался к потребностям капиталистического хозяйства. «Перемены производились медленно, без общего замысла, от случая к случаю»². Но все же процесс шел неуклонно. Помещичьи «вишневые сады» гибли под топором капиталистического предпринимательства. Скорбные строки И. А. Бунина о запустении старинных дворянских усадеб знаменовали конец целой эпохи.

Российский торгово-промышленный капитал вполне удовлетворялся возможностью грабить «освобожденного» крестьянина и «инородцев» вновь присоединенных областей. Робкая либеральная оппозиция исходила не из этих кругов, а от обуржуазившегося дворянства. Но от него нельзя было ожидать борьбы против важнейшего пережитка феодализма — помещичьего землевладения. С полным уважением относилась она и к самодержавию. Русские либералы выступали за спокойное, мирное развитие без взрывоопасных толчков и конституционных экспериментов. Они были готовы ограничиться, по словам К. Д. Кавелина, «хоть тенью общественной свободы»³, и удивлялись твердолобому упрямству царизма, не желавшего им эту тень предоставить.

Немецкая буржуазия, возвращенная у придворной кормушки и прусской казармы, готова была ползать на четвереньках перед фонами и баронами. Образ верноподданного бюргера Дидриха Геслинга, созданный Генрихом Манном, стал символическим. В. И. Ленин охарактеризовал германский империализм как «юнкерски-буржуазный» — столь важные позиции в экономике, политике и армии сохранила за собой дворянская каста.

Но и во «втором рейхе» дворянскими руками проводился буржуазный курс. Об этом свидетельствовал и бурный рост промышленности, и начавшаяся колониальная экспансия, и вызов, брошенный тогда еще гордой «владычице морей» — Британии. Да и сами юнкеры втянулись в капиталистическое предпринимательство. Таким образом, союз буржуазии и помещиков — не диковинка в истории, а ее закономерность, проявлявшаяся в каждую эпоху и в каждой стране в присущем ей своеобразии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

² «История СССР», т. V. М., 1968, стр. 119.

³ Там же, стр. 197.

В чем же специфика этого союза в Румынии? Подобный вопрос все чаще задают себе советские и румынские историки. Увлеченные изучением проблем классовой борьбы, революционного и национально-освободительного движения, они долгое время ограничивались общей характеристикой проходивших «наверху» процессов⁴, не уделяли необходимого внимания исследованию общественно-политического режима, оценивая его в целом как буржуазно-помещичий. Лишь в самые последние годы в Румынии предприняты попытки более детального анализа, появились два исследования на эту тему⁵. В Бухаресте в 1969 г. состоялась дискуссия о социально-политическом режиме Румынии в 1864—1918 гг. В ходе ее предлагалось внести в общую характеристику те или иные уточнения, иногда значительные. Так, Г. Захария полагал, что в Румынии существовал «буржуазный режим в процессе консолидации». По мнению В. Потоп, «буржуазный режим» здесь «опирался на союз между буржуазией и помещиками». И. Якош высказывался безоговорочно в пользу наличия в старой Румынии буржуазного общественно-политического режима⁶. Однако большинство участников дискуссии выступило против пересмотра устоявшегося, зафиксированного в документах румынской компартии определения. Автор этих строк тоже считает, что в пересмотре термина нет нужды, ибо устранение из двуединой формулы — буржуазно-помещичий — одного из ее компонентов не разъясняет, а смазывает специфику общественно-политических процессов в Румынии.

Буржуазия в Дунайских княжествах, объединившихся в 1859—1862 гг. в Румынское государство, поздно появилась на свет. Она родилась с печатью страха на лице. 1848 г. явился своего рода репетицией при выработке генеральной линии румынского капитала на целое столетие. Размах выступлений крестьянства и городских низов, их стремление осуществить свои требования перепугали буржуазию и усилили ее тягу к союзу с боярством на почве умеренных реформ. При выборе этого курса сказалась и структура нарождавшегося класса капиталистов. Промышленников в его среде насчитывалось совсем немного. Тон в буржуазных кругах задавали торговцы, тысячами нитей связанные с помещичьим землевладением. Немалым весом пользовались мелкие и средние бояре, убедившиеся в невыгодности староребовского феодального хозяйствования, стремившиеся перейти к «свободному» предпринимательству, но цеплявшиеся за каждый погон⁷ «своей» земли.

Румынское государство унаследовало от Дунайских княжеств весь груз обремененных средневековыми пережитками порядков — крайнюю отсталость экономики, почти полное отсутствие фабричной промышленности, слабо развитые города, феодальную собственность бояр на землю, барщинный труд бившейся в тисках нужды деревни, рутинную технику в земледелии. Село само себя кормило, одевало и обувало. Внутренний рынок был узким, ощущался недостаток в свободных рабочих руках. В создавшихся условиях без ломки феодальных отношений путь вперед был закрыт.

Вопрос о земле был той осью, вокруг которой вращалось все прочее. Аграрная проблема нависла над планами экономических и социальных преобразований. Она незримо присутствовала на политических совещаниях, повестка дня которых, казалось бы, не имела с ней ничего общего. Патетические призывы отбросить низменные расчеты, забыть об эгоистических интересах, отдать себя целиком служению нации скрывали стремление не слишком решительно ворошить прошлое и не раздражать его сторонников и защитников.

⁴ См., например: «История Румынии. 1848—1917». М., 1971; «Istoria României», vol. IV. București, 1964.

⁵ T. P. L u n g u. Viața politică în România la sfârșitul secolului al XIX-lea. București, 1967; A. I o r d a c h e. Viața politică în România 1910—1914. București, 1972.

⁶ «Anale de istorie», 1969, № 4, p. 172, 180—181.

⁷ Погон — около 0,5 га.

В ходе этой социально-политической «стыковки» капитала п крупного землевладения не обходилось без трений и столкновений, порой болезненных и резких. История Румынского княжества в 60-е годы XIX в. полна острых коллизий. Главному инициатору аграрной реформы 1864 г., крупному общественному и политическому деятелю, историку и дипломату Михаилу Когэлничану, опиравшемуся на поддержку князя А. И. Кузы, пришлось преодолеть отчаянное сопротивление помещиков-консерваторов. При этом было бы неправильно изображать Кузу и Когэлничану «потрясателями основ». Оба они выступали против всякого рода социальных излишеств. Когэлничану писал: «Страну нашу можно поднять не с помощью стремительных и шумных изменений. Доброжелательные и постепенные реформы, серьезные улучшения, распространение просвещения в обществе, уважение прав всех классов⁸, улучшение семейных нравов, укрепление, упрочение и уважение правящей власти как органа закона — таковы единственные элементы нашего возрождения. Всякое насильственное изменение, всякое внезапное преобразование может быть лишь фатальным. Когда начинается революция, ход цивилизации обрывается; война всегда испекала зерна, посеянные в дни мира»⁹.

Но столь же твердо и неуклонно Когэлничану был убежден в необходимости ликвидации феодальных отношений. Как просветитель, он верил в разум и прогресс. Ему представлялось, что перед доводами здравого смысла склонят свои головы самые упрямые из бояр и согласятся не только на отмену феодальных отношений, но и на скромное наделение крестьян землей, разумеется за выкуп. Он глубоко ошибался. Помещичье большинство в парламенте решило провести «реформу» так, чтобы освободить крестьян от земли, оставить им столь жалкие клочки, что нечего было и думать о ведении на них самостоятельного хозяйства.

М. Когэлничану в речи в Национальном собрании 25 мая 1862 г. охарактеризовал представленный консервативным правительством Барбу Катарджиу проект как грабительский: «Бедные крестьяне! До сих пор им на спину вваливали один мешок; после предложенных вами улучшений их будет два! Вы готовы освободить крестьянина от цепей, но с непременным условием: снять с него одновременно и сапоги»¹⁰. Когэлничану и уговаривал, и запугивал помещичье большинство палаты депутатов. «Собственность ... — втолковывал он в головы упрямым ретроgrадам, — только там обеспечена, где у нее много защитников, где собственники проявляют достаточно патриотизма и ума, чтобы лично возглавить проведение реформы, сделать уступки, необходимые ради пользы и общего блага страны, иначе произойдет ужасная катастрофа, первой жертвой которой станут они же». Он повторил слова французского политика, способствовавшего установлению диктатуры Наполеона III, Одилона Барро: «Коммунистические и подрывные идеи рождаются и развиваются быстрее всего там, где крестьяне лишены собственности и низведены до уровня пролетариев и даже колонов»¹¹. Яснее не скажешь. Нужны реформы «сверху», дабы избежать революции «снизу». Когэлничану клялся, что черпает вдохновение отнюдь не в «страшных» идеях Томаса Мора, Кампанеллы и братьев Гракхов, в чем его обвиняли оппоненты, а в более чем умеренной реформе 1861 г., проведенной в России правительством самодержца Александра II. Он говорил об экономической выгоде перехода к «свободному» труду, взывал к чувству справедливости, здравому смыслу, классовому благоразумию, уговаривал и пугал. Под конец он воззвал к сердцу бояр: «О, почему я лишен красноречия, нужного, чтобы мой голос восторжествовал над эгоистическими идеями, необоснованными страхами, узкими интересами...»¹².

⁸ Последняя фраза взята из подцензурного издания его «Предисловия к молдавским летописям» («Prefața la letopisețile Moldovei», 1852). В рукописи М. Когэлничану значилось «одинаковые права для всех классов».

⁹ М. Когэлничану. *Opere*, t. I. București, 1946, p. 675.

¹⁰ М. Когэлничану. *Texte social-politice alese*. București, 1967, p. 259.

¹¹ Ibid., p. 261.

Буржуазный реформатор Когэлничану не находил с боярами общего языка. Он был готов идти на уступки, но не шел на сговор. Для него реформы стояли на первом плане; он считал сохранение феодальных отношений не только позорным и постыдным, но и опасным для самих помещиков. Консерваторы же хотели решить аграрный вопрос так, чтобы сохранить и свои безбрежные поля, и примитивное земледелие, и рутинное хозяйство, и в то же время увеличить доходы.

Князю А. И. Кузе и Когэлничану пришлось пойти на роспуск парламента и изменение избирательного закона, чтобы добиться принятия в 1864 г. скромной аграрной реформы, в определенной степени способствовавшей развитию капиталистических отношений в городе и на селе¹³.

Нельзя сказать, чтобы Когэлничану признавал в жизни только прямолинейное движение вперед. Считаясь с прочными связями между румынской буржуазией и крупным землевладением, он соглашался на полумеры, откладывал решение важных вопросов, выжидал и лавировал. Полумерой была и реформа 1864 г., оставившая в руках помещиков 2/3 обрабатываемой земли. Но Когэлничану требовал, чтобы уступки боярам не переходили определенного рубежа. Будучи сторонником эволюционного пути, он хотел, чтобы боярство приспособилось к нему и шагало в определенном темпе. И тут оказалось, что два реформатора, два наиболее ярких представителя буржуазных интересов, М. Когэлничану и князь А. И. Куза, ошиблись в расчетах и оказались в изоляции от собственного класса. Корень их разногласий с влиятельными капиталистическими прослойками заключался в том, что те шли так далеко навстречу пожеланиям помещиков, что были готовы с ними объединиться. Образовалась «чудовищная коалиция», олицетворявшая сговор буржуазии с помещиками. В результате два слишком далеко «зашедших» реформатора были устранены. А. И. Куза поплатился за свое «своеволие» трон и должен был благодарить судьбу, что ему удалось сохранить жизнь. М. Когэлничану надолго отошел от активной политической деятельности.

Итак, для Румынии характерен двойной процесс: не только помещики шли к капиталистическому производству (что было исторически неизбежно), но и буржуазия пятилась назад, приспособляясь к значительным пережиткам феодализма, сохранившимся в румынской деревне. Можно сказать, что и здесь у нее были предшественники. В. И. Ленин недаром называл «прусским» тот путь развития капитализма, при котором и в экономической, и в социальной жизни в наибольшей степени проявлялись черты средневековья: «Крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетия укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении»¹⁴.

Но румынские буржуа опередили даже прусских бюргеров в уступках феодализму; они далеко перешли ту грань, которую можно назвать просто уступками или терпимостью к полуфеодальным явлениям; они сжились с ними и научились извлекать выгоду из их сохранения. Они жестоко эксплуатировали крестьянство не только с помощью рынка, не только используя «ножницы цен», но и самым непосредственным образом как землевладельцы. Румынский буржуа был или по происхождению помещиком, или, разбогатев, покупал имение и становился им. Это предопределило затянувшийся на многие десятилетия мучительно трудный для крестьянства

¹² Ibid., p. 241—262.

¹³ 72 тыс. зажиточных крестьянских семейств получили в среднем по 5,7 га земли; 202 тыс. середняков — по 4,4 га; 134 тыс. бедняков — по 2,9 га — все за тяжелый выкуп. 60 тыс. крестьян были «наделены» лишь приусадебными участками и фактически лишились земли; 108 тыс. крестьянских семей не получили ничего. — Н. И. Фролов. Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии. Кишинев, 1959, стр. 34.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 227.

процесс изживания пережитков феодализма в сельском хозяйстве, тормозило развитие промышленности, вызывало к жизни те уродливые явления в общественно-политической жизни, которыми «прославилось» Румынское королевство.

Нехватка земли у подавляющей части крестьянских дворов вскоре после реформы стала фактором, определившим развитие аграрных отношений. Малоземелье привязывало крестьян к барскому хозяйству не менее прочными узами экономической зависимости, чем существовавшие ранее феодальные цепи. В Румынии получила распространение отработочная система, при которой, по определению В. И. Ленина, «помещичья земля обрабатывается не помещичьим инвентарем, не наймом рабочих, а инвентарем крестьянина, *закабаленного* соседним помещиком. А идти в кабалу приходится мужику потому, что помещик отрезал себе лучшие земли, посадив мужика на «песочек», загнав его на нищенский надел»¹⁵.

Дешевый отработочный труд глушил у помещика интерес к поискам новых, капиталистических путей хозяйствования. Владея землей, он мог извлекать огромный доход, не затрачивая ни гроша. Зачем боярскому потомку было ломать голову над тем, где достать кредиты, обзаводиться скотом и усовершенствованным инвентарем, когда с зимы в усадьбу являлись толпы крестьян и просили предоставить им в аренду землю или подражались на работу на помещичьих полях. Земледелие продолжало доминировать в экономике страны. Либералы сами свидетельствовали об этом: «Сельское хозяйство по сей день представляет единственный и величайший источник нашего национального достоинства» и хлопотали о «точном и своевременном исполнении сельскохозяйственных контрактов»¹⁶.

Значит ли это, что румынский капитал капитулировал перед полуфеодалами-помещиками и в стране сменились лишь формы феодальной эксплуатации? Ни в коем случае!

Румыния переходила на рельсы капиталистического развития, переходила бесповоротно, но столь медленно и трудно, что у современников рождались мысли: а не топчется ли она на месте или даже не идет ли вспять? Под влиянием подобных настроений идеолог реформистского крыла социал-демократии Константин Доброджану-Геря назвал весь социально-экономический строй пореформенной Румынии «неокрепостничеством».

Малочисленность, слабость, хилость румынской буржуазии приводили к тому, что она вела наступление не по всему фронту, а на отдельных его участках, стремясь прежде всего сконцентрировать в своих руках более или менее значительные капиталы, развить по мере возможности промышленное производство, наладить кредитно-банковскую систему. И аграрная реформа 1864 г., несмотря на всю свою ограниченность, способствовала этим процессам, содействовала развитию производительных сил. Общая площадь обрабатываемой земли возросла за 15 лет в 1,5 раза (1859 г. — 2,2 млн. га, середина 70-х годов — 3,5 млн. га). Усилилось расслоение крестьянства. Пополнялись ряды сельскохозяйственных рабочих с наделом и без него — авторы закона 1864 г. ведь оставили без земли 103 тыс. семей. Приток рабочей силы в города возрос. Население столицы в 80-е годы достигло уже 200 тыс. человек. Быстро поднимались порты Галац и Брэила, через которые шел вывоз хлеба. Число мануфактур и фабрик увеличилось более чем в 4 раза, с 39 (в 1866 г.) до 173 (1877 г.). Строились крупные паровые мельницы, механизированные лесопилы. Немалая часть доходов, выколотенных помещиками с крестьян с помощью отработок, вкладывалась в индустрию.

В 70-е годы XIX в. в Румынию стал широко проникать иностранный капитал. Иностранцы брали концессии на производство и продажу табачных изделий; вкладывали деньги в судоходство и особенно в строительство

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 130.

¹⁶ Либеральная программа 1867 г. — V. C. A. Rosetti. Amintiri istorice. București, 1889, p. 183, 184.

железных дорог (протяженность которых превысила в 1877 г. 1200 км); в банковские операции и государственные займы (долги Румынии уже в 1875 г. в 5 раз превышали ее бюджет и продолжали расти с угрожающей быстротой)¹⁷. Пионером освоения румынского рынка выступил британский капитал; ему на пятки наступали французы. С воцарением в Румынии Карла Гогенцоллерна (1866 г.) стрелка политического компаса повернулась к Германии и Австро-Венгрии. Это имело и крупные экономические последствия. Капиталы центральных держав оттеснили соперников на второй план.

Развитие капитализма захватило и деревню. Отработочная система несла в себе зерно собственной гибели: помещики продолжали наращивать арендную плату, опутывать крестьянина новыми поборами, разорять село. Отработки, указывал В. И. Ленин, предполагали существование среднего крестьянина с рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем¹⁸. Без него они просто невымыслимы. Но при сложившихся в Румынии условиях аренды и размерах оплаты труда перед массой крестьянства открывался лишь один путь — путь медленного и мучительного «раскрестьянивания». Размывалась прослойка середняков. Бедняк, имевший одни натруженные руки, да иногда слабосильную «худобу», заменить середняка не мог, зажиточный же крестьянин неохотно шел на отработки, предпочитая денежную аренду.

Постепенно помещики, кто по необходимости, не видя иного выхода, а кто и по здравому размышлению, познакопившись с передовым сельскохозяйственным производством в Западной Европе и убедившись в его преимуществах, обзаводились инвентарем, рабочим скотом и начинали хозяйствовать по-новому. В деревне крепла прослойка «серых» баронов. Капитализм, таким образом, пробивал себе дорогу и в сельском хозяйстве.

Интересы крупной буржуазии и крупных землевладельцев Румынии тесно переплетались; верхушка этих классов слилась в единую буржуазно-помещичью олигархию, вершившую всеми делами в стране. Отпрыски бояр втягивались в торговые и промышленные операции; в свою очередь буржуа, не успев разбогатеть, спешил приобрести имение. Британский исследователь Д. Митрани усматривал в массовой скупке «нуворишами» поместий признаки «атавистической тяги к земле в Румынии». Разумеется, тут играл роль не «зов крови», а трезвый экономический расчет. Но Д. Митрани безусловно прав, говоря, что в стране «не существовало четкого различия между классом землевладельцев и ... верхними слоями нового среднего класса. Можно было по пальцам пересчитать общественных деятелей, которые не принадлежали бы или не были связаны с одним из семейств землевладельцев»¹⁹.

Тщеславие и местничество процветали и после отмены в 1858 г. боярских званий. Обладание усадьбой позволяло проникнуть в круг знати, давало тот вес в свете, который приобрести одним чистоганом было невозможно. И разбогатевший выскочка спешил обзавестись поместьем. Удельный вес помещиков и буржуазии в парламенте и других органах власти трудно определить не только по причине несовершенства тогдашней статистики, но также из-за многоликости политиков того времени и явного предпочтения, которое они отдавали званию землевладельца. Все эти глубинные процессы объясняют, почему заговор 1866 г., казавшийся многим современникам проявлением самостоятельности отдельных лиц, кратковременной конъюнктурной политической сделкой, имел в действительности прочные корни. «Чудовищная коалиция», родившаяся в подлости и предательстве, явилась лишь ростком того союза буржуазии и помещиков, который властвовал в Румынии почти сто лет.

¹⁷ См. «История Румынии. 1848—1917», стр. 173, 176, 186, 188.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 201—202.

¹⁹ D. M i t r a n u. The Land and the Peasant in Rumania. London — New Haven, 1930, p. 543.

Признаки поправления буржуазии обнаружили сразу после свержения Кузы. Былые республиканцы как в рот воды набрали во время поиска преемника низложенному князю. Выбор организаторов переворота пал на представителя боковой ветви известной своими реакционными традициями прусской династии — Карла Гогенцоллерна-Зигмарингена. Тот не замедлил прибыть в страну. Ему удалось быстро успокоить консулов держав, поначалу выражавших недовольство произошедшим в Бухаресте «самоуправством» и свержением законного государя. Министр иностранных дел Маврогени в беседе с русским представителем Оффенбергом заявил от имени нового князя: «Призвав на престол Гогенцоллерна, румыны должны понять, что время политических авантур и подрывных замыслов миновало» ²⁰.

Оффенберг растаял от удовольствия и в донесении в Петербург самым лестным образом отозвался об одушевленном столь благими, на его взгляд, намерениями юноше, который сменил на престоле беспокойного и внушавшего опасения Кузу. Не хватавший звезд с неба консул, правда, тут же выразил тревогу, как бы «ужасное окружение» во главе с лидером либералов Ионом Брэтиану не сбilo неопытного молодого человека с пути истинного. Русская дипломатия не могла простить Брэтиану участия в революции 1848 г., а затем сотрудничества с Мадзини. За стремительной эволюцией румынского капитала тугодумы из петербургского ведомства иностранных дел поспеть были не в состоянии. Отсюда — грубые просчеты в определении настроений буржуазных кругов. На самом деле либералы свидетельствовали свою верность коалиции, выражали готовность дать доказательства, что Румыния больше не станет очагом интриг и действий, «угрожающих спокойствию соседних государств» ²¹, громко клялись в верности наследственной монархии и призывали откинуть страсти и установить «в обществе политический мир» ²².

Бывшие бояре в известной мере учитывали интересы своих партнеров. В первом же своем акте главари «чудовищной коалиции» заверяли, что не помышляют об отмене аграрной реформы 1864 г., дававшей определенный простор для развития капитализма. Они понимали, что обратного пути к феодализму нет, что в ответ на посягательство на только что полученные земли в деревне прозвучит всеобщий набат. Разразившееся в 1866 г. восстание граничар (крестьян, несших пограничную службу) служило грозным предупреждением.

Румынская буржуазия в свою очередь засвидетельствовала верность союзу рядом акций. В самый год переворота был принят «Закон о сельскохозяйственных договорах и их исполнении» для урегулирования отношений между помещиками и крестьянами, которые в парламенте без тени улыбки именовались «свободными» и «равноправными». Крестьянин по этому закону мог арендовать землю, в которой остро нуждался, только у «своего» помещика и только к нему наниматься на работу. В случае нарушения принятых им обязательств землевладелец мог прибегать к помощи сельского старосты (примаря) и стражников, чтобы заставить «свободного» крестьянина работать. Но и этого оказалось мало, чтобы обезопасить землевладельцев от «неповиновения». В 1872 г. закон был дополнен положением, по которому власти обязаны были ловить «нарушителей», сажать их под стражу и с помощью солдат гнать на поля. Как видно, помещики широко использовали испытанный метод внеэкономического принуждения.

«Созревание» буржуазно-помещичьей коалиции сказалось и в сфере идеологии. Буржуазная общественная мысль вступила в полосу упадка. Изменились ее функции. Раньше она звала вперед, служила оружием прогресса. Теперь она была призвана прикрыть мишурным блеском кон-

²⁰ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1866, оп. 400, д. 35, л. 210.

²¹ V. C. A. Rosetti. Op. cit., p. 157.

²² Ibid., p. 166, 184.

ституционных свобод бесконтрольное хозяйничание в стране олигархии. Либеральная фразеология сочеталась в Румынии с махровой реакционностью, с беспощадным угнетением рабочих и крестьян, с готовностью залить города и села кровью ради укрепления господства этой олигархии. Так народились в Румынии «шарлатанский либерализм и капитализм, уникальный по своему отталкивающему двуличию», — писала позднее рабочая газета «*Lupta zilnică*»²³.

В 1866 г. в стране была принята конституция. За образец взяли бельгийский основной закон 1831 г. В конституцию были исправно вписаны «права и свободы граждан». Она предусматривала свободу печати и собраний, представительную систему правления, ответственность правительства перед парламентом и разделение властей. Все эти принципы остались на бумаге. «Свободы» нарушались на каждом шагу. О «парламентской системе правления» в Румынии можно было говорить разве что в насмешку. Ответственности правительства перед Национальным собранием не существовало. Князь (с 1881 г. король) назначал министров по своему усмотрению, и затем правительство проводило выборы, будучи заранее уверено в успехе. Ретивые власти на местах, не останавливаясь перед насилием, обманом, подлогом, «обеспечивали» правящей партии большинство, которое румынские газеты того времени именовали звучным словом «здробитоаре» (подавляющее). Ни разу до первой мировой войны эта система не дала осечки.

Усилившийся монархизм помещиков и буржуазии привел к предоставлению широких прав короне: князь назначал и смещал министров, утверждал все законы, командовал армией.

Реакционная сущность конституции проявилась и в избирательном законе. Первые две коллегии по выборам в палату депутатов состояли из помещиков²⁴, в третью входила городская буржуазия. Рабочие и крестьяне, сведенные в четвертую коллегию, формально имели право посылать путем двухстепенных выборов несколько депутатов в нижнюю палату. В действительности же их «представляли» в Национальном собрании обычно те же помещики и буржуа. Избирательными правами в сенат обладали только очень богатые люди. В рамках союза господствующих классов перевес пока находился на стороне помещиков, и конституция отразила этот факт.

Промышленная буржуазия была еще очень немногочисленна, насчитывала всего несколько десятков семей. В плане экономическом она была заинтересована во всемерном развитии индустрии. Это определяло ее позицию по многим политическим вопросам. Она тяготилась зависимостью от Турции, и в частности прикованностью к оттоманской таможенной системе, требовала создания благоприятных условий для национальной промышленности, отстаивала принцип протекционизма во внешней торговле. Ее поддерживала средняя и мелкая буржуазия, кровно заинтересованная в расширении внутреннего рынка и выступавшая более решительно. Помещики-экспортеры зерна, напротив, отстаивали принцип свободной торговли. Примирившись с происшедшими переменами, они не желали идти дальше, по пути завоевания полной независимости страны.

Конечно, нельзя сводить сложившееся положение к прямолинейной схеме: помещики и буржуазия. Жизнь была сложнее этой формулы. Боярские потомки пользовались поддержкой влиятельных слоев торгового, ростовщического и арендаторского капитала, и за это надо было «платить». Поэтому ни один консервативный кабинет, опиравшийся на латифундистов, не проводил «чисто помещичьей» политики. В консервативных недрах зарождались группировки, представлявшие землевладельцев-предпринимателей капиталистического типа. Боярское происхождение, непри-

²³ «*Lupta zilnică*», 27.XI.1915.

²⁴ На деле от этих коллегий избирались и капиталисты, являвшиеся одновременно крупными землевладельцами.

язнь к псевдодемократической фразеологии и карьеристские соображения лидеров мешали их слиянию с либералами. Самой влиятельной из них было общество жунимистов, или младоконсерваторов, представителей своего рода юнкерства в румынской среде. Они соединяли известную гибкость в экономических вопросах с реакционной твердолобостью в политике, третировали народ как «чернь» и обосновывали «право» элиты на власть в государстве.

Весомым фактором в политической борьбе являлись карьеризм, честолюбие, корыстолюбие и укоренившийся обычай использовать власть для личного обогащения. Все это чрезвычайно запутывало общую картину, порождало эфемерные политические комбинации и вызывало частую смену правительств в 60—начале 70-х годов XIX в. Однако этот политический калейдоскоп не должен вводить нас в заблуждение. В главном, по отношению к крестьянам и крепнущему рабочему классу, партнеры по коалиции не расходились; их общие классовые интересы эксплуататоров всегда брали верх над корыстными соображениями отдельных прослоек. Политический кризис 1870—1871 гг. подтвердил это с полной очевидностью.

Происходившая тогда франко-прусская война вызвала в Румынии взрыв сочувствия к «латинской сестре». Франция в глазах национальной буржуазии и учащейся молодежи продолжала оставаться очагом гражданских «добродетелей». Поведение «пруссак на престоле», князя Карла Гогенцоллерна, открыто выражавшего симпатии соотечественникам, воспринималось как провокация. Росли антидинастические настроения. Радикальная пресса воспевала республику и громила коронованных тиранов. Готовились выступления против Карла в столице, Крайове, Плоешти и военном лагере Фурчени²⁵. Но широкого заговора не получилось. Участвовавших в нем офицеров смутили быстрые победы прусского оружия, и у них отпала охота к переворотам. Открытое выступление, быстро и легко подавленное, состоялось лишь в Плоешти²⁶. Князь Карл почувствовал себя на коне. Конституционные prerogative его стесняли, внешняя обстановка складывалась благоприятно для перехода в наступление, Бисмарк его поддерживал. Прусский консул Радовиц «доверительно» сообщил российскому коллеге, что румынский Гогенцоллерн не желает быть «игрушкой в руках партий».

15 (27) января 1871 г. в «Augsburger Allgemeine Zeitung» появилось сенсационное письмо Карла вымышленному другу. Оскорбляя свою приемную страну, он писал, будто «румыны не могут похвалиться гражданскими добродетелями» и что народ «не хочет, чтобы им руководили, и не может руководить собой сам». Все несчастья происходили, по мнению Карла, от излишнего либерализма. За этим прозрачным намеком на его намерения следовала угроза отречения²⁷.

В Румынии откровения монарха вызвали глубокое возмущение, особенно среди радикально настроенной интеллигенции. Казалось, правительство будет сметено. Но не так были настроены законодатели. Палата депутатов, заслушав маловразумительное выступление премьера Иона Гики, приняла резолюцию, в которой говорилось, что депутаты тронуты этими разъяснениями и преисполнены преданности трону и конституции²⁸. Всего несколько человек осмеливались протестовать против провокационных действий Карла.

Однако кризис еще не миновал. Новая его вспышка последовала 10 (22) марта. В тот вечер немецкая колония Бухареста отмечала день рождения прусского короля Вильгельма, только что провозглашенного в Зер-

²⁵ «Istoria României», vol. IV, p. 554.

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 16, л. 77—79.

²⁷ Письмо приведено: T. Maiorescu. Istoria contemporană a României. București, 1925, p. 25—27.

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1871, оп. 400, д. 14, л. 20—23. Г. Оффенберг — А. Горчакову, 10 февраля 1871 г.

кальном зале Версальского дворца, старой резиденции французских монархов, императором Германии. Трагедия французского народа вызывала в Румынии глубокое сочувствие; триумф прусской военщины ассоциировался с маневрами «своего» Гогенцоллерна. Поэтому такое камерное событие, как банкет, послужило поводом к серьезному выступлению. Толпа молодежи штурмом взяла зал, где собрались немцы, и порядком намяла бока многим из них. Присланные на место происшествия войска «навели порядок».

Взбешенный Карл дал отставку (на деле прогнал) Иону Гике и потребовал образовать угодный ему кабинет, грозя в противном случае отречением. В Бухаресте сохранялась тревожная обстановка. Войска помешали проведению демонстрации перед дворцом. В такой атмосфере консерватор Ласкар Катарджиу ознакомил депутатов с ультиматумом Карла. Княжеские притязания были выслушаны со смирением. Лишь два «представителя народа» высказались за отречение, все прочие склонились перед монаршей волей²⁹. Было образовано правительство Катарджиу, стоявшее у власти пять лет.

При всей внешней драматичности события 1870—1871 гг. не вылились в кризис политической системы. Стоило прикрикнуть князю — и либеральные краснобаи прикусили языки. М. Когэлничану, не остановившийся перед государственным переворотом ради проведения в жизнь аграрной реформы, теперь смиренно отправился во дворец заверять князя в своей лояльности. В решительный момент либералы отступили. Монархия олицетворяла в их глазах «порядок». Узы классовой солидарности, соединявшие различные буржуазно-помещичьи группировки, оказались сильнее разделявших их разногласий. Можно говорить не только о прочности их союза, но и о том, что он вобрал в себя практически всю крупную буржуазию. Узнав о Парижской коммуне, она присмирела еще больше.

О радикалах во главе с Константином Росетти следует сказать особо. Именно они являлись организаторами манифестаций и ожесточенной кампании в прессе, направленной против румынского князя. Находившаяся под их влиянием молодежь вышла на улицу. Но эта бурная активность в 1870—1871 гг. не должна заслонять от нас тот факт, что и как идеологическое течение, и как политическое направление радикалы вступили в полосу кризиса. Сузилась их социальная база. Они теряли поддержку промышленников. Начался процесс медленного, но неуклонного размывания мелкой буржуазии. Отдельные ее представители, разбогатеи, меняли политическую ориентацию и отходили вправо. Другие, более многочисленные, постепенно втягивались в рабочее и социалистическое движение, внося в него путаницу, колебания, с одной стороны, и склонность к реформизму, с другой. Зыбкой опорой была и учащаяся молодежь. Знаменитый сатирик Ион Лука Караджале взял своего «Р-румына» из жизни; обрисованный им путь этого «свистуна» был скорее правилом, чем исключением: «От приготовивши до окончания гимназии — анархист; от гимназиста до студента — социалист; от студента до выпускника — прогрессист; от выпускника до чиновника — либерал; от чиновника до пенсионера — консерватор»³⁰.

Политическое влияние радикализма шло на убыль. В области идеологии он исчерпал себя. Росетти и его последователи продолжали пропагандировать незыблемые, священные, гордые принципы 1848 г. Но крупная буржуазия охладела к ним, а широкие слои трудящихся начинали понимать, что одними принципами не обойдешься, что надо разворачивать движение за улучшение повседневной жизни. Однако у рабочего класса еще не доставало ни сил, ни сознательности для того, чтобы возглавить демократическое движение. Руководители же радикалов не могли и не хотели увлечь за собой массы. Все происходило в рамках борьбы между правитель-

²⁹ «Istoria României», vol. IV, p. 559—560.

³⁰ И. Л. Караджале. Избранное. М., 1953, стр. 264.

ством и оппозицией. События не повели к возрождению радикализма и даже не прервали процесса его постепенной деградации.

Схватки на политической арене между консерваторами и либералами продолжались и в 70-е годы. Но при всем значении поднимаемых вопросов борьба велась не вокруг направления общественно-политического развития и не о принципах государственного устройства. Эти вопросы были решены. Речь шла о темпах экономического роста и о способах завоевания национальной независимости.

Срачивание помещиков и буржуазии в Румынии происходило не гладко и не безболезненно. На первых порах бывшие бояре и примыкавшие к ним представители торгового капитала пытались обращаться с промышленниками как с пасынками. Наиболее разительный случай, когда крупные землевладельцы, составлявшие основу консервативной партии, попытались выбраться из экономических трудностей за счет своих партнеров по коалиции, произошел в 1875 г.

Мировой аграрный рынок вступил в это время в полосу тяжелого кризиса: в Европу хлынула дешевая пшеница с американского континента; цены резко упали; румынские экспортеры метались от одной зерновой биржи к другой, но затоваривание хлеба росло угрожающе быстро. Внутри страны помещичья реакция свирепствовала, стараясь выжать из крестьянина как можно больше. В то же время она приняла меры, больно ударившие по интересам промышленников. В 1875 г. консерваторы заключили торговый договор с Австро-Венгрией, по которому пошлины были либо ликвидированы, либо снижены до почти символического уровня. Правительство рассчитывало, что это поможет сбыть ему зерно в Габсбургскую монархию. Его не смущало то обстоятельство, что не сдерживаемые никакими барьерами в страну хлынули изделия австрийской промышленности, наводнившие местный рынок. Началась эпидемия банкротств. Румынии угрожала опасность превратиться в сырьевой придаток соседней империи.

Либералы не могли мириться с таким положением. Они вступили в бой. Экономические противоречия различных группировок внутри коалиции осложнялись разногласиями по внешнеполитическим вопросам. Это было время восточного кризиса 1875—1878 гг.

Созданный различными либеральными группировками блок («коалиция Мазар-паши») выступил с обращением, которое содержало много жалоб и мало позитивных мер. Парламентский режим «превратился в фикцию»; правительство действует по своему произволу; не большинство в законодательных органах образует министерство, а «министры сами создают для себя большинство»; «от нашей конституции осталось одно название», и это в эпоху, когда «нация, устав от потрясений, обрела тихую заводь»; маска парламентаризма скрывает личное правление князя; коррупция свирепствует; налоги за пять лет выросли на одну треть; «крестьянин обнищал, его угнетают и грабят, не боясь бога, надсмотрщики, примари, нотариусы, сборщики налогов»; многие из «наделенных» земель по закону 1864 г. состарились, не получив ее ³¹.

Используя недовольство дискредитировавшим себя консервативным режимом, либералы вышли из своих соперников из седла. Начался длительный, продолжавшийся 12 лет (1876—1888 гг.) период пребывания у власти этой партии. Но и тогда основы блока остались незыблемыми. Вся политика строилась в рамках приемлемого для помещиков (кстати, в большом числе представленных в партии).

Как это часто водится, либералы в оппозиции проявляли гораздо больше решимости, нежели находясь у кормила правления. Премьер-министр И. Брэтиану двинулся по проторенной консерваторами дорожке и попытался было добиться расширения прав княжества с помощью дипломатических меморандумов. Лишь когда с полной очевидностью выявилась

³¹ V. C. A. Rosetti. Op. cit., p. 187—193.

невозможность сбросить таким путем вассальную зависимость от Турции, был заключен союз с Россией, и молодая румынская армия приняла участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М. Когэлничану, став министром иностранных дел, завоевал себе репутацию видного дипломата. Именно ему на долю выпало провозгласить в Национальном собрании 9 мая 1877 г. государственную независимость Румынии. В области торговой политики либералы не решились отменить конвенцию 1875 г., заключенную с Австро-Венгрией, а проявив неистощимое долготерпение, дожидались целых девять лет, пока не истек срок ее действия. В этой осторожности проявилось не только нежелание осложнять отношения с Габсбургской монархией, но и внимание к собственным торговцам зерном. Лишь в середине 80-х годов кабинет Брэтиану провел ряд законов о поощрении национальной индустрии и перешел к протекционизму. И в этом случае консерваторы проявили полное понимание интересов своих либеральных союзников по коалиции. В Национальном собрании не раздалось ни единого голоса против протекционистских мер. Позднее, вернувшись к власти, они ответили любезностью на любезность и не посягнули на принятые либералами меры. Обе стороны явно не хотели заходить слишком далеко и обострять несомненно существовавшие между ними разногласия до степени, грозившей похоронить их союз.

Параллельно и одновременно с успехами капиталистической экономики гас интерес румынской буржуазии к теоретическим изысканиям. Конечной целью ее идеологических построений, даже самых возвышенных и абстрактных, являлось создание более или менее благоприятных условий для буржуазного предпринимательства. Это было осуществлено. И на пленявшие отцов в 1848 г. лозунги «свободы, равенства и братства», на их мечтания о республике сыновья стали смотреть как на отжившую свой век и ненужную идеологическую ветошь. Как отмечал в 1940 г. отнюдь не прогрессивный исследователь Траян Херсени, румынская буржуазия не нуждалась больше в созидательной идеологии; ей нужна была идеология оправдательная³². Интересами боярских потомков она не собиралась пренебрегать. И пусть историка не смущает оглушительный шум в прессе, оскорбительные выпады во время прений в парламенте и отчаянные призывы «не губить страну», с которыми оппозиция (безразлично, либеральная и консервативная) обращалась к правительству. Так требовали установившиеся каноны политической демагогии и погоня за голосами избирателей. Когда же совершалась «смена караула» и в министерские особняки приходили свежие силы, «смертельно опасные» законы продолжали действовать, а «пагубная политика» претерпевала изменения лишь в деталях, ибо основы ее вырабатывались совместно. Эта спайка проявилась в грозную для хозяев Румынии весну 1907 г., когда волны крестьянского восстания подкатывались к королевскому дворцу. Тогда смолкла обычная политическая перепалка и шефы двух партий перестали изобличать друг друга; прежние «исчадия ада» и «сыны Вельзевула» мгновенно превратились в чистых как слеза патриотов. Коалиция выжила на крови 11 тыс. убитых, расстрелянных, запоротых насмерть повстанцев.

Ни одна из сторон в блоке, ни буржуазия, ни помещики, даже не помышляла о сколько-нибудь существенных изменениях в общественно-экономической системе и политической жизни Румынии. Конституционные свободы уживались в ней с полнейшим произволом администрации, с жандармскими преследованиями инакомыслящих, с застенками сигуранцы; всеобщее начальное образование — с безграмотностью, охватывавшей 4/5 населения; парламентская система — с диктаторской властью короля и правительства. В условиях перехода буржуазии в реакционный лагерь основной силой, готовой стойко и до конца бороться за демократические

³² Tr. Herseni. Sociologie românească. Incercare istorica. București, 1940, p. 153.

реобразования, стал рабочий класс. На его плечи легла вся тяжесть орьбы не только за свои классовые интересы, но и за демократизацию страны.

Все это наложило отпечаток на развитие и деятельность социал-демократии. Груз нерешенных задач демократического развития был столь велик, что не оставалось места для высокомерного третирования реформ как мелочи, недостойной внимания подлинного революционера, поглощенного аботами о социализме, для сектантского отрыва от масс и уединения в слетке мнимой революционности, за что Фридрих Энгельс так резко укорял иные социалистические организации Англии и США. В Румынии мало кому приходило в голову с презрением отворачиваться от борьбы за лишний лей к нищенской заработной плате, за свободную, а не подконтрольную полицейскому участку печать, за право проводить демонстрации без любвищ с жандармерией и буйными ватагами нанятых ею за стакан цуйки з ближайшем кабаке забулдыг и хулиганов.

На почве нерешенных демократических задач паразитировали оппортунисты, стараясь свести всю активность партии к их достижению. Структура пролетариата, слабость кадровой прослойки, преобладание в его среде вчерашних крестьян и ремесленников облегчали эту неблагоприятную деятельность. В первой же программе социал-демократической партии (1893 г.) влияние реформистских концепций сказалось вполне явственно. В преамбуле указывалось, что социалистические преобразования должны осуществиться сперва в передовых странах Запада, румынам же остается ждать оттуда сигнала и заниматься подготовительной деятельностью: пропагандой, организацией, улучшением положения трудящихся и т. д. «Отсюда следует умеренность социалистической тактики у нас, — подчеркивалось в программе, — развитие движения по пути строгой легальности»³³. Успехи германской социал-демократии слепили глаза румынским социалистам, даже левым. Оппортунистического перерождения многих ее лидеров не замечали. Собственная деятельность представлялась будничной и незначительной на фоне блистательных результатов, достигнутых немецкими социал-демократами с их миллионной массой избирателей и сотней мандатов в рейхстаге. К. Доброджану-Геря, возводя в абсолют действительно имевшие место процессы, создал теорию «социализма в отсталых странах», в которой «установил», будто слаборазвитые государства «входят в орбиту передовых капиталистических стран. вся их жизнь, развитие и социальное движение определяются жизнью и движением передовых ...»³⁴. Последние «определяют эволюцию человечества и стремятся переделать страны, оставшиеся позади, по своему образу и подобию». Когда же они «превратятся в социалистические общества, тогда и отсталые, полукapиталистические общества... воспримут [социализм. — В. В.], им будет навязана социалистическая форма организации»³⁵.

Подобные воззрения обрекали румынский рабочий класс на пассивное выжидание прихода социализма с Запада, ограничивали его активность текущими делами. Сам Геря отметил революционную тактику как «путчистскую», восторгался разработанной немецкими социалистами теорией «постепенного, органического перерастания капиталистического общества в социалистическое» и требовал неукоснительного соблюдения легальности³⁶.

К счастью, влияние подобных взглядов было хотя и значительным, но не всеохватывающим. Рабочих и их руководителей не соблазняла перспектива долголетнего выжидания, пока передовые тогда страны не переделают Румынию «по своему образу и подобию» сперва в развитое капиталистическое общество, а затем и в социалистическое. Они шли тернистой до-

³³ «Documente din istoria miscării muncitorești din România. 1893—1900». București, p. 55.

³⁴ C. Dobrogeanu-Gherea. Scrieri alese. București, 1968, p. 257.

³⁵ Ibid., p. 259.

³⁶ Ibid., p. 225, 226, 231—232.

рогой, учась на практике, преодолевая ошибки, изживая влияние реформизма. Российская революция 1905—1907 гг. показала им путь; появление (хотя и позднее, начиная с 1911 г.) в социалистической прессе работ В. И. Ленина³⁷ положило начало знакомству с ленинизмом; изучение «русского опыта» способствовало выковыванию когорты пролетарских революционеров, позволило после Великого Октября и под его непосредственным воздействием образовать Коммунистическую партию Румынии.

* * *

Таковы некоторые размышления по поводу специфики пореформенного буржуазно-помещичьего режима в Румынии. Она определялась поздним вступлением страны в капиталистическую эпоху и тесными связями крупной буржуазии с помещичьим землевладением. Буржуазия решительно отвернулась от народа и протянула руку боярам. Их нечистый союз был скреплен потом тружеников и кровью повстанцев. Ради него буржуазия отказалась от курса на более или менее решительную и быструю ломку феодальных отношений. Она не только терпела, но и приспособилась к полуфеодальным пережиткам в сельском хозяйстве, что предопределило его развитие по одному из наиболее мучительных для крестьянства вариантов «прусского пути». В политической сфере буржуазно-помещичья коалиция «облагодетельствовала» Румынию целой серией псевдоучреждений: чисто формальным парламентарным строем, урезанной избирательной системой и гражданскими свободами, существовавшими лишь на бумаге. Зато реальностью была сигуранца, соперничавшая с царской охранкой по изощренной жестокости, с которой она преследовала все революционное.

Несмотря на несомненные противоречия и острые порой разногласия, приводившие к бурным полемическим вспышкам, наследники «чудовищной коалиции» свято блюли заветы отцов, проявляли взаимопонимание и не позволяли разногласиям превратиться в разрыв. В критические моменты хозяева Румынии прекращали играть в демократию, и тогда обнажалась социально-карательная сущность их союза.

³⁷ До этого времени появлялись отдельные выдержки из работ В. И. Ленина и статей ленинской «Искры». — А. Д е а к, И. И л и н ч о ю. Ленин и Румыния. Бухарест, 1971.